

Оглавление.

Введение.....	3
Историческая справка.....	3
Обзор исследовательской литературы.....	8
Анализ источников.....	12
Актуальность проблемы.....	16
Цель и задачи.....	17
Глава I.....	18
Представление о европейском космополитизме как об общеромано-германском шовинизме.....	18
Идея «прогресса» как основное орудие европейского шовинизма.....	20
Европа как образ врага.....	21
Революция сквозь призму отношения к Европе.....	23
Рационализм как неотъемлемая часть европейской цивилизации и его критика.....	26
«Воинствующий экономизм» - болезнь Запада.....	28
Упадок Запада как следствие разрыва культурного единства с Востоком. Евразийский космополитизм Бицилли.....	29
Отживающий демократический строй Запада и идущая ему на смену идеократия.....	32
Глава II.....	35
Власть не большинства, а меньшинства.....	35

Культурофобия как принцип внутренней и внешней политики Америки.....	37
Имперство и мессианизм Америки.....	39
Противопоставление культуроцентричного европейского буржуа и авантюристического буржуа-культурофоба Америки.....	40
Американский глобализм против европейского Просвещения.....	41
Атлантизм как одна из двух вечных сил истории.....	45
Америка как носительница концентрированной идеологии Запада.....	46
Заключение.....	49
Список используемой литературы.....	53
Приложение.....	55

Введение.

Данное исследование, посвященное проблеме отношения к Западу со стороны представителей одного из идейных направлений русской мысли – евразийцев и их продолжателей неоевразийцев, состоит из 5-и частей: введения, основной части, заключения, списка используемой литературы, приложения. Введение включает в себя Историческую справку, Обзор исследовательской литературы, Анализ источников, Актуальность проблемы, Постановку цели и задач. Основная часть делится на 2 главы, в каждой из которых отдельно анализируется образ Запада у евразийцев и неоевразийцев. Затем в заключении получившиеся образы Запада сопоставляются, на основании чего делается вывод. В приложении даны биографии деятелей евразийского и неоевразийского движений.

Рассматриваемая в данном исследовании проблема имеет под собой глубокий философский и идейный фундамент. Евразийству и сформировавшемуся на его основе неоевразийству предшествует целая плеяда мыслителей. Поэтому в Исторической справке показано развитие того глобального идейного направления, к которому принадлежали евразийцы, вплоть до их появления, затем дана история собственно евразийского движения и небольшая характеристика их преемников-неоевразийцев.

Историческая справка.

Проблема отношения России к Западу и Востоку, к Европе и к Азии всегда была присуща русской социальной философской мысли. Она же питала и питает русскую идею, которая заключается в поиске исторической миссии России, особых путей ее развития и роли в мировом историческом процессе. Русская идея неизбежно исходила из объективных предпосылок и значимых событий жизни народа. К числу таких предпосылок исторического развития России относится ее срединное положение между Западом и Востоком, Европой и Азией, а к числу самых сильных идей – православие и выросшая на

нем гуманитарная культура. На пересечении этих двух констант и формировалась русская идея.

Первый вариант русской идеи можно найти в послании псковского инокa Филофея Великому князю Московскому Василию – рассуждения об исторической миссии Руси венчаются здесь утверждением «Москва – третий Рим». В XVIII в. идея Москвы как третьего Рима была поглощена имперской идеологией Санкт-Петербурга. Вторым вариантом русской идеи родился из противостояния западников и славянофилов. Колыбелью этого варианта стало общество любителей, возникшее в 1823 г. во главе с кн. В.Ф. Одоевским (среди его членов были будущие славянофилы Киреевский, Кошелев, Хомяков). Центральной для русских любителей стала проблема отношения России к Европе. На этой почве и зародилась идея об особом призвании России служить звеном между Западом и Востоком, между веком минувшим и настоящим, а также идея об историческом преимуществе отставших, «не-исторических» народов, не обремененных грехами и стереотипами мышления вырвавшихся вперед исторических народов. Последняя, наиболее оригинальная идея стала краеугольным камнем в аргументации славянофилов. Начав, как и любители, с пристального и доброжелательного изучения Запада и преклонения перед ним, они кончили его беспощадной критикой с позиций нравственного идеала, утерянного Западом. Но, даже критикуя Запад, славянофилы никогда не скатывались на позиции антизападничества. Напротив, они неоднократно клялись в своей любви к «великой старой Европе», которую почитали своей второй родиной. Но это преклонение не мешало славянофилам увидеть «червоточину» Запада, которая, считали они, обрекает его на утрату былого величия, если он не найдет средств и воли для излечения. Начало конца Европы славянофилы связывали с ее духовным кризисом в результате торжества духа католицизма, выразившегося в преобладании формальных, материальных начал над началами духовными: права над правдою, индивидуализма, перерастающего в эгоизм, рассудка над цельностью живого знания, ритуала над

животворящей верой. Крымская война 1853-1856 гг. открыла новую эпоху русской общественной жизни. В обстановке национального унижения России русская идея обрела новые формы. В ее развитии выделились два направления: первое, представленное Данилевским и Леонтьевым, утверждало абсолютную самобытность и самоценность русского типа культуры и путей ее развития; второе, представленное Достоевским и Соловьевым, отстаивало тезис о всечеловечности, универсальности русской культуры. Данилевский резко выступает против европоцентризма, согласно которому Европа прогладывает единую колею прогресса для всех народов, отрицает существование общечеловеческой цивилизации и представляет историю в виде культурно-исторических типов, проходящих, как и живой организм, стадии жизненного цикла. Он противопоставляет романо-германский к.-и. тип (культурно-исторический тип), уже отживающий свой век, славянскому, который только начинает раскрываться. Идеи Данилевского получили дальнейшее развитие у Леонтьева, который также говорил о нескольких фазах развития цивилизаций. С этих позиций Леонтьев оценивает и Западную Европу, считая ее «отходящей», неспособной к творчеству. Соловьев, представитель универсалистского направления, также критиковал западную культуру, сложившуюся на основе католицизма (латинства), за последовательное отпадение человеческих природных сил от божественного начала, приведшее к отходу от Бога. Но он выступал за примирение Востока с Западом, видя миссию России в посредничестве между ними. Достоевский призывал обратить больше внимания на азиатский Восток, указывая, что Россия – это не только Европа, но и Азия.

Евразийство явилось продолжателем дела того социально-философского направления, которое в XIX веке развивало русскую идею. Движение евразийства включило в свои ряды многих выдающихся деятелей русской эмиграции – географа и экономиста П.Н.Савицкого, этнографа и лингвиста Р.О.Якобсона, философа Л.П.Карсавина, историка Г.В.Вернадского, критика

эстетики П.П. Сучинского, религиозного мыслителя Г.В.Флоровского, философа права Н.Н.Алексеева, богослова А.В.Карташёва, историка Бицилли. Начало евразийству было положено вышедшей в 1920 году в Константинополе книгой Н.С.Трубецкого «Европа и человечество», название которой было как бы откликом на книгу Данилевского «Россия и Европа». Затем к Трубецкому присоединились Савицкий, Сувчинский, Флоровский, и они вместе выпустили в Софии в 1921 первый сборник из серии «Утверждение евразийцев» - «Исход к Востоку». Основополагающие идеи этой книги были поддержаны Карташевым и Бицилли, принявшим участие во втором сборнике серии – «На путях» (вышедшем на следующий год уже в Берлине). Третьим сборником, не включенным в серию «Утверждение евразийцев», была книга «Россия и латинство» (Берлин, 1923), в которую вошли также статьи Г.В.Вернадского и В.Н.Ильина. Затем появились еще три ежегодных сборника под общим названием «Евразийский временник». В 1926 г. евразийцы представили на суд общественности систематическое изложение своей концепции, своего рода манифест – «Евразийство». Его основные положения в более сжатой и декларативной форме были затем повторены в 1927 г. – «Евразийство. Формулировка 1927 г.». В 1931 г. в Париже вышел подводящий десятилетние итоги движения сборник «Тридцатые годы». Одновременно с 1925 по 1937 г. увидели свет двенадцать выпусков «Евразийской хроники», задуманной как сводки отчетов о пропагандистской и политической деятельности евразийцев. Однако евразийское движение уже к концу 20-х гг. вступило в фазу кризиса и раскола. От него отошли Бицилли, Флоровский. Самым серьезным свидетельством раскола евразийского движения стало издание в парижском пригороде Кламар газеты «Евразия», ориентированной на идейно-политическое сближение с советской властью. В издании газеты принимали участие Карсавин, Святополк-Мирский, Сувчинский, Эфрон. То, что некоторые евразийцы приняли советский строй, ускорило раскол движения на «правую» и «левую» ветви – пражскую, сторонившуюся СССР (Савицкий, Трубецкой, Алексеев), и парижскую, сблизившуюся с новым строем. Вторая мировая война

ознаменовала конец евразийства: смерть Трубецкого, возвращение в СССР евразийцев-марксистов, отъезд Якобсона и Флоровского в США. После 1945 г. только Г.В.Вернадский будет продолжать развивать идеи евразийцев, ограничив их областью историографии.

В период советской власти дело евразийства продолжал Л.Н. Гумилев. «Отталкиваясь от наследия русских евразийцев 20-х гг. в конце 80-х годов двадцатого столетия начало складываться неоевразийство. В настоящее время оно стало одной из наиболее значимых мировоззренческих платформ в современной России. Современное русское евразийство разделяется на три основных течения.

Первое из них – это крайне правое течение, главным представителем которого является Александр Дугин, редактор журнала «Элементы». По применяемой аргументации оно эклектично: здесь и апелляция к западным «новым правым» и геополитикам Третьего рейха, и антиамериканизм, и традиционный русский мессианизм.

Второе евразийское течение, тяготеющее к журналу Эдуарда Баграмова «Евразия», больше делает упор на культуру и фольклор. Здесь центральные темы – славяно-тюркское смешение и славяно-тюркский союз, реабилитация Монгольской империи и тюрко-мусульманских меньшинств в русской истории, сопоставление православной религиозности с суфийским мистицизмом. Верность России представляется как защита национальной идентичности бывшего СССР.

И, наконец, третье крупное неоевразийское течение, возглавляемое Александром Панариным и Борисом Ерасовым, отличается большим уклоном в теорию и политику. Оно пытается доказать, что империя является особой формой государственности, которая покоится на ценностях и принципах, а не

на культе нации, и потому реализует в политическом плане национальное многообразие Евразии»¹

Обзор исследовательской литературы.

Всю исследовательскую литературу по вопросу условно можно разделить на вступительные статьи к сборникам евразийских сочинений и отдельные книги, посвященные анализу евразийской проблематики.

Во вступительной статье Новиковой и Сиземской к сборнику «Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн» показано преемство евразийцев по отношению к одному из направлений русской общественной мысли. Именно этот материал был использован для исторической справки в начале раздела «Введение», поэтому повторять его еще раз не имеет смысла. Также в статье сказано, что в основе течения лежали четыре идеи: 1) утверждение особых путей развития России как Евразии 2) идея культуры как симфонической личности 3) обоснование идеалов на началах православной веры 4) учение об идеократическом государстве. Первая идея заключалась в том, что России и населяющим ее народам предопределено особое место в человеческой истории, предначертан особый исторический путь и своя миссия. Евразийцы видели культурное единство народов России, которые не есть ни европейцы, ни азиаты. Вторая идея предполагает признание того, что индивидуальность существует лишь относительно симфонического, соборного целого – семьи, сословия, класса, народа. Третья идея подразумевало Русскую Церковь в качестве средоточия русской культуры. Последняя идея заключалась в том, что государство, руководимое объединенным общей идеологией правящим слоем, должно охватывать все сферы жизни общества.

Вступительная статья Широкова в сборнике «Исход к Востоку. Философия Евразийства», имеющая название «Проблема этнолингвистических обоснований евразийства», посвящена проблеме доказательства культурного

¹ Жданова Г.В. Евразийство. История и современность. – Калуга: ИД «Эйдос» с. 98

единства народов, населяющих Евразию, с точки зрения лингвистики. Например, автор говорит о такой общей черте евразийских языков как большое количество падежей: «Прежде всего к таким общим типологическим чертам, характеризующим только гетерогенные языки Евразии, относятся многопадежные системы: «рекордное число падежей среди уральских языков – 17 в коми-пермяцком, 22 в венгерском; среди северокавказских – 38 в лакском, 46 в южнотабасаранском, 52 в северотабасаранском дубекском диалекте, 34 в гинухском. В большинстве тюркских – 6 падежей, 8 – в якутском и чувашском, 8 или 9 в монгольских. За пределами Евразии настоящие падежи есть только в языках, у которых предполагается генетическая связь с собственно Евразией: 9 в корейском, 10 в японском, 11 в дравидских. Есть и другие свидетельства «лингвистической палеонтологии» об очень древних и глубоких этнолингвистических контактах на Евразийском пространстве»².

В предисловии неоевразийца Дугина к сборнику «Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана» дается, с одной стороны, историографическая концепция евразийцев. Идеалом евразийцев была Московская Русь, государственное устройство которого основывалось на монгольском наследстве, а в качестве идеологии выступал византизм. «Переняв инициативу изначального Чингисовского импульса, московские цари принялись за воссоздание татаро-монгольского евразийского государства, объединяя его распавшиеся сегменты в новую империю под эгидой белого царя. На сей раз цементирующей религией стало Православие, а государственной доктриной – московская версия византизма, знаменитая концепция псковского старца Филофея «Москва Третий Рим». Практическое же устройство государства, и что самое главное, вектора его пространственного оформления были калькированы с империи татар»³. С другой стороны, Дугин обосновывает актуальность евразийского наследия с точки зрения неоевразийца, видя в современном положении мира исполнение пророчеств евразийцев. «Сегодня мы живем в эпоху, когда Европа

² Исход к Востоку. Философия Евразийства, под ред. О.С.Широкова – М.: «Добросвет», 2008 с.21

³ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000 с. 12

и ее наиболее законченное монструозное воплощение – США – отмечают последний этап своей цивилизационной победы над Человечеством. Когда рухнули последние оплоты, пусть частичной, но идеократии. Когда Евразия – как культура, государственность и идеал – пала под давлением альтернативного полюса истории.

Лишь сегодня мы способны по достоинству оценить гениальность основателей евразийства, и в первую очередь, Николая Сергеевича Трубецкого. Запоздалое, трагично запоздалое признание все же приходит к нам»⁴.

Книга французского исследователя Марлен Ларюэля «Идеология русского евразийства или мысли о величии империи» широко охватывает евразийскую проблематику. Здесь представлена история евразийского движения в контексте русской эмиграции. Показано, что евразийство было частью более широкого идеологического течения русской эмиграции, ориентированного на примирение с Советским Союзом. Частью этого течения наряду с евразийством было сменовеховство (происходит от названия сборника «Смена вех», изданного в 1921 г.), или национал-большевизм, организованное Ключиновым и Устряловым. Движение национал-большевизма делало акцент на национализме, носителем которого был большевизм, и собиралось использовать большевизм в исключительно национальных целях. Также Марлен Ларюэль доказывает, что евразийство не было отрезанным от идеологических течений Европы, он показывает, что оно занимает свое место в истории европейских идей. Евразийцам близки взгляды Освальда Шпенглера. На это течение определенное влияние оказал и Ф.Ницше. Автор показывает, что евразийство было по своей сути географической идеологией. Евразийцы пытались теоретически обосновать единство Евразии с помощью географии: они говорили географической замкнутости этой территории. Они доказывали, что территория создает общность судьбы населяющих ее народов. Основной же

⁴ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000 с. 24

мыслью автора является то, что евразийство прежде всего было направлено на оправдание империи. Евразийцы представляли империю как естественное, неизбежное образование.

Предисловие И.А. Исаева к сборнику статей евразийцев «Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России», носящее название «Утописты и провидцы», посвящено сопоставлению двух точек зрения на русскую революцию и на судьбу России после ее совершения: одна принадлежит группе либеральных интеллектуалов, издавших сборник «Из глубины», а другая – евразийцам. Исаев указывает на схожие предпосылки рассуждений тех и других и на абсолютно противоположные выводы: «Исходные посылки авторов из «Глубины» и евразийцев вроде бы схожи: и те и те признают уникальность России, ее исключительность, непохожесть на европейские страны: это не Европа и не Азия, а отдельный, своеобразный, целостный и органический мир. У России «особенная статья», волей свыше ей предначертано следовать в истории своим, особенным путем. Почему же на ее долю выпала такая участь? Что есть сие – наказание господне или богоизбранность? И как в связи с этим оценить революционные события октября 1917 года и их последствия?

Здесь позиции сторон радикально расходятся. Если одни видят революции великое несчастье, национальную катастрофу, начало наступления эры Нового средневековья, то другие истолковывают ее скорее как очищение, обновление, возрождение истинного степного духа российской культуры, отправную точку процесса становления могучей Евразии»⁵.

Исследователь Жданова Г.В. в книге «Евразийство. История и современность» отмечает междисциплинарный характер евразийского течения, которое было сформировано представителями разных направлений. Оно не ограничивается рамками ни истории, ни философии. Выделяются три структурообразующих элемента евразийского учения: «1) учение о влиянии

⁵ Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России/ Сост., вступ. ст., коммент. И.А. Исаева. – М.: Русская книга, 1992 с.6

географического фактора на историко-культурное развитие стран и народов, включающее концепцию русской истории, созданную с учетом решающего влияния географических и природных условий на развитие России. 2) культурология, основным элементом которой является религиозная культура, рассматриваемая в качестве опосредующего звена между природой и социумом 3) социально-политическая философия, в рамках которой анализируется единство и взаимосвязь культуры, географии и государства»⁶. Содержится в книге Ждановой и информация по неоевразийству. Помимо характеристики современных направлений неоевразийства, приведенной в конце раздела историческая справка, говорится также о основных моделях будущего России, предлагаемых представителями данного направления. В качестве первой модели евразийского проекта отмечается русско-имперское евразийство, которое исходит из априорного приоритета имперско-православной доминанты в создании евразийской империи. Вторая модель основана на убеждении в исторической и культурной преемственности России по отношению к Золотой Орде, рассматриваемой в качестве эталона при создании нового евразийского государства, здесь говорится о необходимости монголо-буддийской или тюркской доминанты евразийского союза. Третья модель – это евразийский проект А.Д. Сахарова, предполагающий конструирование евразийского пространства – СШЕА – Соединенных Штатов Европы и Азии по типу плавильного котла Соединенных Штатов Америки. В качестве четвертого варианта выступает жесткая модель противостояния атлантизма и континентализма. Все реальные и потенциальные геополитические конфликты рассматриваются строго сквозь призму этого противостояния. Пятая модель – социалистически-коммунистическая – предполагает реконструкцию СССР в обновленном варианте.

Анализ источников.

⁶ Жданова Г.В. Евразийство. История и современность. – Калуга: ИД «Эйдос» с. 44

Сначала представляется возможным охарактеризовать те современные постсоветские издания републикованных работ евразийцев, которые были использованы в данной работе

В качестве одного из источников был использован единственный переизданный на сегодня оригинальный сборник евразийцев «Исход к Востоку. Утверждение евразийцев», опубликованный в 1921 г. Впервые он был переиздан в 1997 г. под редакцией Широкова и с его предисловием, в данной работе используется издание 2008 г. Соответственно это издание включает в себя все статьи оригинального сборника: Савицкий П. Поворот к Востоку, Сувчинский П. Сила Слабых, Флоровский Г.В. Разрывы и связи, Сувчинский П. Эпоха Веры, Флоровский Г.В. Хитрость Разума, Савицкий П. Миграция культуры, Флоровский Г.В. О народах не исторических (Страна отцов и страна детей), Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме, Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры (этническая база русской культуры), Савицкий П. Континент—Океан (Россия и мировой рынок).

Однако большинство евразийских работ опубликовано как антологии, одной из которых является книга «Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн». Эта антология возвращает в научный оборот статьи П. Бицилли «Восток и Запад в истории старого света», Н. Трубецкого «Русская проблема» и «Общевевразийский национализм», П. Савицкого «Два мира», «Степь и оседлость», «Хозяин и хозяйство», Алексеева «Евразийцы и государство», Л. Карсавина «Основы политики». Впервые был опубликован манифест евразийской группы "Евразийство (формулировка 1927 года).

Вышедшая в 2000 г. книга Трубецкой Н.С. Наследие Чигисхана под редакцией Дугина и Тараторова представляет собой сборник большинства работ автора, связанных с евразийской деятельностью. В ней были переопубликованы в частности ранее не публиковавшиеся в постсоветской России статьи: «О народах Кавказа», «О государственном строе и форме правления», «Идеократия и армия». «Мысли об автаркии», «Об идее-

правительнице идеократического государства», «О расизме» и некоторые другие, а также книга «Европа и человечество» (до этого были опубликованы только фрагменты из нее в приложении к монографии И.Б. Орловой «Евразийская цивилизация»).

Говоря в общем о ситуации с републикацией евразийского наследия, можно привести цитату из статьи Рустема Вахитова «Труды классиков евразийства и ситуация с их републикацией»: «Следует признать, что переопубликована лишь малая часть сочинений евразийцев 20-х — 30-х г.г. В основном это программные тексты и статьи из первых 3–4 сборников «Утверждений», которые с начала 90-х кочуют из книги в книгу и по Сети. Более или менее полно издано лишь евразийское наследие Н.С.Трубецкого и Г.В. Флоровского. Из всего этого можно заключить, что современные исследователи имеют далеко не полное, одностороннее представление о евразийстве... Хотя в большинстве современных научных работ, касающихся евразийства, утверждается, что евразийство 20–30-х г.г. хорошо изучено, тем не менее, очевидно, что без наличия более или менее полного собрания сочинений евразийцев вряд ли можно говорить о каких-либо окончательных оценках евразийства (тем не менее, оценок таких множество и увы, практически все они безапелляционные, а многие и совершенно одиозные). На самом же деле серьезное научное исследование евразийства, которое необходимо должно опираться на солидную текстологическую базу, еще впереди»⁷.

Теперь следует дать характеристику оригинальным произведениям евразийцев, использованным при написании данной работы.

Книга «Европа и человечество» была напечатана в Софии в 1920 г., где Трубецкой работал профессором в университете после эмиграции из России. Это было первое произведение, где автор-белоэмигрант сумел встать выше своих личных и сословных обид и взглянул на русскую революцию и еще не

⁷ Рустем Вахитов. Труды классиков евразийства и ситуация с их републикацией.
<http://nevmenandr.net/eurasia/situacia.php>

окончившуюся гражданскую войну объективно, с позиции России в целом, увидел неотвратимость ее трагедии и историческую закономерность политических процессов. Название «Европа и человечество» было как бы откликом на вышедшую в 1871 г. книгу Данилевского «Россия и Европа». Трубецкой говорил об общечеловеческой ценности этнокультурного разнообразия и о необходимости сплочения всех народов для отстаивания этого духовного многоцветия от нивелирующих, материалистических идей европоцентризма. П.Н. Савицкий отозвался на эту книгу рецензией «Европа и Евразия», опубликованной в журнале П.Б. Струве «Русская мысль». Часть исследователей считают «Европу и человечество» первым евразийским текстом. Хотя большинство все таки начинают отсчет евразийства с сборника «Исход к Востоку». Дугин же называет первым евразийским текстом рецензию Савицкого, так как она помимо критики европоцентризма была дополнена геополитическим методом. Так или иначе, именно книга Трубецкого инициировала создание евразийского кружка.

Статьи Трубецкого «Русская проблема», Бицилли «“Восток” и “Запад” в истории Старого Света», Савицкого «Два мира» были напечатаны во втором сборнике «На путях. Утверждение евразийцев», вышедшем в 1922 году в Берлине. Статьи «О государственном строе и форме правления» и «Об идее-правительнице идеократического государства», написанные Трубецким, были опубликованы в его работе «К проблеме русского самопознания» 1927 года. Остальные материалы входили в уже упоминавшийся 1-ый евразийский сборник «Исход к Востоку. Утверждение евразийцев».

Книга А.Дугина «Конспирология» была написана в 1991-1993 годах. Впервые опубликована летом 1993 г. Сам автор пишет о том, что в то время геополитический метод и философские принципы, на которых он основывался, были неизвестны не только рядовому российскому читателю, но и специалистам, поэтому стояла задача в занимательной и мистико-религиозной форме изложить ряд серьезных геополитических теорий и принципов и дать

анализ событий, произошедших с СССР в 1991 году. Дугин считает, что именно конспирологический подход помог изложить все это быстро, компактно и ярко. Кроме того, используемый в данной работе раздел книги «Великая война континентов» был написан непосредственно к политическому моменту путча 1991 года и опубликован «в одной из ведущих российских газет того времени».

В предисловии к книге «Мистерии Евразии» Дугин пишет, что в центре его исследования находится сакральная география, согласно которой страны, материки имеют свое тайное, мистическое измерение, поэтому страна, в которой живет тот или иной народ, связана с этим народом. Также он говорит, что вследствие распространения идей европейского Просвещения со свойственными ему материализмом, позитивизмом и прагматизмом данная книга не может рассчитывать на широкий круг читателей.

Книга «Искушение глобализмом», написанная в 2003 г., явилась одной из последних работ Панарина. За нее он был удостоен литературной премии Александра Солженицына. Автор проводит в ней глубокий анализ феномена современного глобализма

Актуальность проблемы.

Научная актуальность проблемы сравнения образа Запада в представлении евразийцев и неоевразийцев обусловлена, во-первых, недостаточной исследованностью этого аспекта данных учений, во-вторых, малочисленностью исследований в целом по неоевразийству, в-третьих, можно сказать, отсутствием работ по сопоставлению образа Запада в представлении евразийцев и неоевразийцев.

Общественно-политическая актуальность проблемы обусловлена возникшей в постсоветское время необходимостью выбора Россией своего пути. Для того чтобы знать в каком направлении двигаться, нужно иметь представление о том, куда оно ведет. Одним из таких направлений является Запад, видение которого

одним из общественных течений прошлого и современности и представлено в данной работе.

Цель и задачи.

В качестве цели данной работы ставится сопоставление образа Запада в представлении евразийцев и неоевразийцев. Для этого необходимо выполнить 3 задачи, 2 из которых будут раскрыты в основной части, а последняя – в заключении: 1) Сформулировать образ Запада в представлении евразийцев 2) Сформулировать образ Запада в представлении неоевразийцев 3) сопоставление этих образов.

Глава I.

Уже предисловии к первому сборнику «Исход к Востоку» евразийцы заявляют о том, что они видят будущее отнюдь не за западноевропейской культурой.

Представление о европейском космополитизме как об общеромано-германском шовинизме.

Н.С.Трубецкой начинает свою книгу «Европа и человечество» с разъяснения понятия «космополитизм». Он утверждает, что под «цивилизацией» европейские космополиты разумеют ту культуру, которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы, а под «цивилизованным человечеством» - прежде всего романцев и германцев, а затем те другие народы, которые приняли европейскую культуру. Проводятся параллели между шовинизмом и космополитизмом. Шовинист исходит из того положения, что лучшим народом в мире является именно его народ. Культура, созданная его народом, лучше, совершеннее всех остальных культур. Его народу одному принадлежит право первенствовать и господствовать над другими народами, которые должны подчиняться ему, приняв его веру, язык и культуру, и слиться с ним. Однако то же самое происходит и с европейским космополитом, ведь та культура, которая по его мнению, должна господствовать в мире, упразднив все прочие культуры, является культурой такой же определенной этнографически-антропологической единицы, как и та единица, о господстве которой мечтает шовинист. Причем Трубецкой отвергает все ссылки на то, что европейская цивилизация состоит из культур нескольких народов. Те нации, за превосходство которых ратует шовинист, также состоят из более мелких этнических единиц. Кроме того, шовинист хочет, чтобы и другие народы слились с его народом, утратив свою национальную идентичность. Точь-в-точь как шовинист, европейский космополит превозносит цивилизацию, общую нескольким народам, а также признает своими тех нероманогерманцев, которые полностью восприняли романо-германскую цивилизацию. Психологическим

основанием как космополитизма, так и шовинизма, является эгоцентризм, согласно которому человек считает себя центром Вселенной, венцом создания, лучшим, наиболее совершенным из всех существ. «Вся его (европейского космополита) духовная культура, все его мирозерцание основаны на вере в то, что бессознательная душевная жизнь, основанные на этой душевной жизни, должны уступать место перед указаниями разума, логики, что только на логических научных основаниях можно строить какие-либо теории. Все его правосознание основано на отвержении тех начал, которые препятствуют свободному общению между людьми. Вся его этика отвергает решение вопросов грубой силой. И вдруг оказывается, что космополитизм основан на эгоцентризме! Космополитизм, эта вершина романно-германской цивилизации, покоится на таких основаниях, которые коренным образом противоречат всем основным лозунгам этой цивилизации. В основе космополитизма, этой религии общечеловеческой, оказывается антикультурное начало»⁸. Таким образом, мы видим, что, согласно Трубецкому, европейский космополитизм имеет двойное дно: на поверхности – борьба с национальными, религиозными, культурными и др. барьерами, мешающими свободному общению людей, верховенство разума и логики, а в сущности – «общеромано-германский шовинизм», основанный на предрассудке эгоцентризма. Безусловно осуждая всякий космополитизм или интернационализм, князь развивает свою мысль о вреде европеизации и в статье «Об истинном и ложном национализме» говорит о том, что и не всякий вид национализма является истинным. Очень часто встречаются такие националисты, которые хотят, чтобы их народ во всем походил на «великие» европейские державы, желают достичь их признания и для этого стремятся распространить среди своего народа чуждую романо-германскую культуру, т.е. провести европеизацию. «...националисты рассматриваемого типа, для того, чтобы их народ был вполне похож на «настоящих европейцев», стараются навязать этому народу не только часто совершенно чуждые ему по духу формы романо-германского государства, права и хозяйственной жизни, но и романо-

⁸ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000 с. 38

германские идеологии, искусство и материальный быт. Европеизация, стремление к точному воспроизведению во всех областях жизни общеромано-германского шаблона в конце концов приводят к полной утрате всякой национальной самобытности и у народа...«родной язык»...приспосабливаясь к новым, чужим понятиям и формам быта, сильно искажается, впитывает в себя громадное количество романно-германизмов...»⁹ Тем самым показывается изощренность «общеромано-германского шовинизма», агентами которого среди нероманогерманских народов выступает как космополитическая интеллигенция, так и некоторые националисты.

Идея «прогресса» как основное орудие европейского шовинизма.

Трубецкой отмечает необычайно быстрое распространение и добровольное принятие европейской романо-германской культуры среди неевропейских народов, причем интеллигенция, которая в первую очередь и является проповедником космополитизма, перенимает европейский эгоцентризм и начинает смотреть сквозь его призму на свой народ и на свою национальную культуру как на архаичные, отсталые, превознося в качестве идеала все европейское. Автор приходит к выводу, что основной причиной, по которой европейский космополитизм стал столь приемлемым для представителей других этнических групп, является понятие «прогресса». «Дело в том, что представление об эволюции в том виде, как оно существует в европейской этнологии, антропологии и истории культуры, само проникнуто эгоцентризмом. «Эволюционная лестница», «ступени развития» - все это понятия глубоко эгоцентричные. В основе их лежит представление о том, что развитие человеческого рода шло и идет по пути так называемого мирового прогресса. Этот путь мыслится как известная прямая линия. Человечество шло по этой прямой линии, но отдельные народы останавливались на разных точках ее и продолжают и сейчас стоять на этих точках, как бы топчась на месте, в то

⁹ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. Наука, 1993 с.43

время как другие народы успели продвинуться несколько дальше, остановившись и топчась на следующей точке, и т.д.»¹⁰ Основным аргументом при разоблачении данной теории следующий. Чтобы разобраться, на каком именно этапе эволюции находится каждая культура, нужно знать начало и конец линии мирового прогресса. Однако европейцы нашли конец эволюционной цепи, основываясь исключительно на своем эгоцентризме, т.к. приняли самих себя за венец эволюции. Далее они выстроили всю эволюционную цепочку, исходя из степени непохожести на них других народов: чем больше какая-то нация отличается от романо-германцев, тем более она примитивна. Трубецкой опровергает 1-ое доказательство, согласно которому европейцы всегда побеждают дикарей, т.к. сам факт победы отнюдь не означает культурное превосходство. Кроме того, само это доказательство обличает поклонение грубой силе, лежащее в основе европейской цивилизации. Вторым доказательством является то, что дикарь не может усвоить многих европейских понятий, и его «умственный багаж» намного скуднее багажа романо-германца. Однако, по мнению Трубецкого, ум дикаря хранит огромный запас всевозможных познаний и сведений: знание жизни окр. природы, привычек животных, мифологии, кодекса морали и т.д. Поэтому умственные багажи дикаря и европейца несравнимы и несоизмеримы. Таким образом, никакого «прогресса» не существует, и европейский космополитизм лишается своего самого главного обоснования.

Европа как образ врага.

Учитывая жалкую и трагическую участь тех народов, которые подверглись европеизации, Трубецкой призывает бороться с европеизацией изо всех сил. Он объясняет европеизацию ненасытной алчностью романо-германцев, желающих прибрать к рукам ресурсы других народов, называя их международными хищниками: «Она (европеизация) зависит не от милитаризма и капитализма, а

¹⁰ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000 с. 43

от ненасытной алчности, заложенной в самой природе международных хищников – романо-германцев, и от эгоцентризма, проникающего всю их пресловутую «цивилизацию»¹¹. Европеизация ведет к тому, что народ, ее принявший, отказывается от самостоятельного культурного творчества, «обращается в обезьяну, непрерывно подражающую романо-германцам». Трубецкой призывает прежде всего к радикальному перевороту в сознании интеллигенции, с тем чтобы она начала бороться с «духовным порабощением» своих народов. Мысль автора доходит до такой крайности, как исключение европейцев из состава человечества и противопоставления их друг друга. Человечество, по Трубецкому, является совокупностью всех тех народов, отличающихся от европейской модели, которые должны осознать свое единство через отрицание романо-германского космополитизма, объединившись в единый антизападный лагерь. Пожалуй, стоит привести последний абзац книги «Европа и человечество» полностью. «В этой великой и трудной работе по освобождению народов мира от гипноза «благ цивилизации» и духовного рабства интеллигенция всех неромано-германских народов, уже вступивших или намеревающихся вступить на путь Европеизации, должна действовать дружно и заодно. Ни на миг не надо упускать из виду самую суть проблемы. Не надо отвлекаться в сторону частным национализмом или такими частичными решениями, как «панславизм и всякие другие «панизмы». Эти частности только затемняют суть дела. Надо всегда твердо помнить, что противопоставления славян германцам или туранцев арийцам не дают истинного решения проблемы и что истинное противопоставление есть только одно: романогерманцы – и все другие народы мира, Европа и Человечество».¹² Образ Запада как хищного зверя, только и ждущего, пока какое-то неевропейское государство ослабнет, с тем чтобы прибрать его к рукам, получил дальнейшее освещение в статье Трубецкого «Русская проблема». Там говорится о том, что Россия в случае падения коммунизма неминуемо

¹¹ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000 с. 85

¹² Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000 с. 90

превратится в колонию Запада. Причем подчинение России может быть осуществлено под благовидным предлогом оказания помощи. Более того, страна даже может сохранить формальную независимость: будет создано марионеточное правительство, которое станет неукоснительно выполнять волю романо-германцев. Кроме того, русская интеллигенция, видящая в Европе образец для подражания, может стать агентом влияния западного оккупационного режима. Единственный шанс России заключается в том, чтобы в условиях подъема национально-освободительного движения в колониях исполнить свою историческую роль «вождя за освобождение колониального мира от романно-германского ига», тем более что уже видны признаки упадка Европы: «Чувствуется, что романо-германский мир стареет, и что его старые изъеденные зубы скоро окажутся неспособными терзать и пережевывать лакомые куски поработанных колоний»¹³.

Революция сквозь призму отношения к Европе.

«Статьи, входящие в состав настоящего сборника, сложились в атмосфере катастрофичности мироощущения. Тот отрезок времени, в котором протекает наша жизнь, начиная от возникновения войны, переживается нами, как поворотное, а не только переходное время. В совершившемся и совершающемся мы видим не только потрясение, но кризис, и ожидаем от наступающего – глубокого изменения привычного облика мира»¹⁴. Уже в предисловии к сборнику «Исход к Востоку» евразийцы говорили о судьбоносности той цепи катастроф (сначала общеевропейская мировая война, потом русская революция), которые обрушились на Европу и Россию. По своему значению они были сопоставимы с завоеванием Александром Македонским Древнего Востока или Великим Переселением Народов. Подобно тому, как Александр Македонский утвердил господство греческой культуры на Востоке, что привело к его растворению в эллинистический мир, череда

¹³ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. Наука, 1993 с.52

¹⁴ Исход к Востоку. Философия Евразийства, под ред. О.С.Широкова – М.: «Добросвет», 2008 с.31

катаклизмов начала века также отделяли одну эпоху мировой истории от следующей: западно-европейский мир клонится к закату, а смена ему придет с Востока. Петр Савицкий в статье «Поворот к Востоку», ссылаясь на впечатления Герберта Уэльса, называет Россию перед войной и революцией современным государством западного типа. Однако в процессе войны и революции «европейскость» России была сметена. «И когда мы увидели образ России, не прикрытый тканью исторических декораций, - мы увидели Россию двуликой... Одним лицом она обращена в Европу; как европейская страна, как Франция 1793 года, она несет Европе «новое слово», - на этот раз новое слово «пролетарской революции», осуществленного коммунизма... Но другим лицом она отвернулась от Европы... - Уэльс рассказывает, что «Горького гнетет, как кошмар, страх перед поворотом России к Востоку...»¹⁵. Так как Россия составляет «континент в себе», равноправный Европе, она – вовсе не Европа, но Евразия, то к той исторической сущности, которая заключалась в Великой Французской Революции, в Русской Революции добавляется другая, еще не раскрывшаяся сущность. Главный итог революции в том, что Россия больше не входит в ареал западного культурного мира. И это предвещает закат Запада. «Не уходит ли к Востоку богиня Культуры, чья палатка столько веков была раскинута среди долин и холмов Европейского Запада?...»¹⁶ В статье Сувчинского «Сила слабых» говорится, что Европа боится и пытается изолировать революционную Россию отнюдь не только из-за боязни коммунизма, но потому что чувствует, как освободившаяся из под ее влияния бывшая колония теперь вырастает и крепнет у всех на глазах, чтобы затем бросить вызов Западу и обрушиться на него войной обличения, укора и гнева. Сувчинский отмечает, что русская интеллигенция издавна привыкла находиться в убеждении превосходства западной культуры, ее обязательности, исключительности и безусловной правоты. Она оказалась национально обезличенной. Революция была бессознательным гонением народной стихии на

¹⁵ Исход к Востоку. Философия Евразийства, под ред. О.С.Широкова – М.: «Добросвет», 2008 с.37

¹⁶ Исход к Востоку. Философия Евразийства, под ред. О.С.Широкова – М.: «Добросвет», 2008 с.39

свою интеллигенцию за то, что она не захотела ответить русскому народу близкой, понятной ему национальной культурой. В результате интеллигенция оказалась изгнанной, и этим изгнанием был произнесен приговор всей западной культуре, утверждавшейся со времен Петра. Оказавшись в эмиграции и столкнувшись лицом к лицу с Западом, интеллигенция поняла, насколько изжитым и бедным оказался ее бывший духовный кумир. Георгий Флоровский в статье «Разрывы и связи» также свидетельствует, что «исчезнувшая» в результате революции Россия сильнее и пророчесственнее устоявшего Запада. Одной из проблем статьи Трубецкого «Мы и другие» также является отношение к революции: евразийство сходится с большевизмом в отвержении всей той культуры, которая существовала в России непосредственно до революции и продолжает существовать в странах романо-германского запада, а также в призыве к освобождению народов Азии и Африки, поработанных колониальными державами. Причем к сметенному революцией слою, зараженному европоцентризмом, относится не только интеллигенция, отстаивавшая идеалы европейской цивилизации, но реакционное направление, желавшее видеть Россию великой европейской державой, т.к. и оно по сути было заражено духом европейского подражательства. Другое, отрицательное отношение к революции, была продиктовано восприятием происшедшего события как торжества исторического материализма и атеизма, воспринимавшихся как логическое продолжение безбожного Нового времени Европы. «Коммунистический шабаш наступил в России как завершение более чем двухсотлетнего периода «европеизации». Признать, что духовная сущность государственно-господствующего в России коммунизма есть особым образом отраженная идеологическая сущность европейских «новых веков» - это значит сделать констатирование, эмпирически обоснованное в высокой мере (здесь нужно учесть: происхождение российского атеизма от идей европейского «просвещения»; занос социалистических идей в Россию с Запада; связь русской коммунистической «методологии» с идеями французских синдикалистов;

значение и «культ» Маркса в коммунистической России)¹⁷. Двойственность в оценке значения революции очень хорошо выражена в статье Савицкого «Два мира»: «В качестве попытки сознательного осуществления коммунизма, этого отпрыска «европейских развитий», русская революция есть вершина, кульминационный пункт описанного «вовлечения» и «преподания». В то же время в судьбах русской революции обнаруживается величайшее историческое противоречие: построенная в умысле как завершение «европеизации» революция, как осуществление фактическое, означает выпадение России из рамок европейского бытия»¹⁸

Рационализм как неотъемлемая часть европейской цивилизации и его критика.

Георгий Флоровский в статье «Хитрость разума» отмечает, что уже не раз было произнесено осуждение европейской цивилизации, всецело опирающейся на культ разума, на культ отвлеченных начал. И теперь, после произошедшей катастрофы, вся подобная критика нашла свое подтверждение в самой жизни: утрачивается упование на непрерывный прогресс человечества, подвергается сомнению теория естественных прав, общественного договора, сама возможность разумного устройства жизни ставится под вопрос: «...выпуклую картину «кризиса современного правосознания», строго говоря, всего общественного мирозерцания в целом, картину крушения «утопии земного рая». В процессе испытания временем раскрылась неспособность человеческой мысли начертать план такой организации жизни, при которой окончательно устранен был бы источник недовольства, в которой устранен был бы источник недовольства, в которой бы уже не было социального зла. Истоцилась сила очарования у всех слов социально-политической мудрости, притязавших быть последними. Поднялось сомнение в бывших дотоле самоочевидными догматах общественно-исторической веры. Жизненные разочарования загасили надежды

¹⁷ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. Наука, 1993 с.108

¹⁸ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. Наука, 1993 с.116

на наступление «вечного мира», всеобщего благоденствия, веру в культурное восхождение объединенного человечества. И постепенно вызревает убеждение, что нет и не может быть единоспасующего плана окончательного «устроения» жизни, и рушится вера во всемогущество «кодекса» естественных прав и общественной справедливости»¹⁹. Таким образом, Флоровский видит в современной ему эпохе симптомы умирания рассудочной, основанной на логике мудрости логике, корни которой уходят глубоко в историческую почву вплоть до республиканского Рима и Аристотелевского рационализма. Ему вторит Сувчинский в своей статье «Эпоха веры», рассуждая о своем времени как об эпохе великих религиозных откровений, он считает, что человечество вошло в новую полосу романтизма и религиозности, когда рушится рационалистическая культура. Флоровский изобличает прагматическое понимание истины европейцев, когда истинность отождествляется с полезностью, а под полезностью понимается злободневная утилитарность. Такое понимание истины находится в прямом противоречии с Божественной Истиной, с Христианским ее пониманием: «В рамки того стиля жизни, для которого «человек – для субботы... - в эти тесные рамки совершенно не входила идея человечности истины, особенно, когда под человеком понимается не средний «просвещенный» европеец, а «образ и подобие Божие»»²⁰. В статье «Хитрость разума» говорится о «опустевших и замороженных формулах» протестантской схоластики, о «холодной и законнической догматике» римского католицизма. По своему духу законничества, стремлению превратить живую изменчивость действительного бытия в отвлеченную схему, а религию – в правовой кодекс католицизм сближается с иудаизмом: «... религиозная стихия иудаизма обнаруживает свое сродство со столь же законническим духом римского католицизма, претворившим евангельское благовестие в теологическую систему, сложенную по образцу Аристотелевой логики и Юстинианова кодекса... И там, и здесь одно и то же юридическое понимание

¹⁹ Исход к Востоку. Философия Евразийства, под ред. О.С.Широкова – М.: «Добросвет», 2008 с.72

²⁰ Исход к Востоку. Философия Евразийства, под ред. О.С.Широкова – М.: «Добросвет», 2008 с.77

добра и зла...»²¹. Флоровский показывает, что даже в новую эпоху иррациональности и романтизма европейцы остались в рамках все того же рационализма, все того же прежнего стремления к формулам, к наукообразным «догматам», к логической убедительности. Все проявления западно-европейской реакции против рассудочности несут на себе значительный отпечаток позитивизма, и «поэтическая философия жизни» современных автору представителей «интуитивизма» всегда сливается с рациональным научным знанием, в результате, по словам Флоровского, не материя одухотворяется, а, наоборот, душа материализуется. Даже западная мистика органически сливается с рационализмом западной мысли. «И если вглядываться пристально в философское развитие Европы за последние десятилетия, то не трудно заметить, что за видимой пеленою иррационализма происходит в точном смысле слова всеобщая мобилизация всех рационалистических сил»²². Таким образом, несмотря на наступление «эпохи веры» (термин Сувчинского), романо-германцы так и остались во власти всепроникающего западного рационализма.

«Воинствующий экономизм» - болезнь Запада.

Савицкий, в отличие от Трубецкого, частично признавал возможность сравнения различных цивилизаций, но делать это нужно исключительно расчлененно по отраслям культуры. Так, если в вопросах новейшей науки и техники можно объективно показать превосходство европейцев, то в области идеологической и нравственной многое новейшее западноевропейское оказывается нижестоящим в сравнении с другими народами. Это объясняется тем, что Европа купила свое научное и техническое совершенство идеологическим и религиозным оскудением. В течение долгих веков истории Старого Света (в том числе и Европы) существовало идеологическое подчинение экономического начала религиозно-нравственному. Затем

²¹ Исход к Востоку. Философия Евразийства, под ред. О.С.Широкова – М.: «Добросвет», 2008 с.82

²² Исход к Востоку. Философия Евразийства, под ред. О.С.Широкова – М.: «Добросвет», 2008 с.78

европейская экономическая философия Нового времени противопоставила себя философии «подчиненной экономики». Экономика стала восприниматься как нечто самодовлеющее и самоценное, заключающее и исчерпывающее в себе цели человеческого существования, она превратилась в философию «воинствующего экономизма». «Эта последняя (философия воинствующего экономизма) есть, в некотором смысле, идеологическая цена, которую заплатила новая Европа за количественно огромный экономический подъем, который она пережила в новые века и в особенности за последнее столетие. Есть нечто поучительное в картине, как на исходе средних и в течение новых веков древняя мудрость нравственного завета, исконная, сдерживавшая себялюбивые инстинкты человека словом увещаний и обличения, философия «подчиненной экономики» рушится под напором новых идей нового времени, самонадеянно утверждающей себя теории и практики «воинствующего экономизма»²³. Идеология воинствующего экономизма неразрывно связана с атеистическим мировоззрением. Причем атеизм выступает во всей своей силе в философии исторического материализма, которая является логическим продолжением воинствующего экономизма. Исторический материализм с его атеизмом восторжествовал в ходе Коммунистической революции, именно он повинен во всех последующих ужасах атеистического государства. Савицкий считает, что нужно не только не противостоять материализму в его крайних формах, каким он утвердился в Советской России, но также и всей традиции европейского Нового времени, выраженной философией воинствующего экономизма. Перед Европой стоит только 2 перспективы: или погибнуть, будучи пораженной болезнью экономизма-материализма, или же исцелиться, вступив в органическую, в противоположность механистической, «эпоху веры».

²³ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. Наука, 1993 с.107

Упадок Запада как следствие разрыва культурного единства с Востоком. Евразийский космополитизм²⁴ Бицилли.

Бицилли Павел Михайлович, который впоследствии отошел от евразийства, еще в период пребывания в рамках движения имел отличную от других евразийцев точку зрения на Европу: он концентрировался не на антагонизме Востока и Запада, Европы и Азии, а на том, что у них есть общего, стремился показать обусловленность европейских достижений влиянием Востока. В своей статье «Восток и Запад в истории Старого Света» он показывает взаимовлияние Востока и Запада в культурной и политической сферах. Точка зрения о полной самостоятельности западно-европейского, средневекового германо-романского искусства, согласно которой Запад по-своему перерабатывал и развивал античную художественную традицию, считается им неоправданной. По представлению Бицилли, европейское искусство формировалось под сильнейшим влиянием Востока. «Доказано, что первыми образцами «германского» искусства (ювелирные работы франкских и вестготских могильников и кладов) Запад обязан Востоку, а именно Персии, что прототип характерного «лангобардского» орнамента находится в Египте; что оттуда же, с Востока, идет и растительный, и животный орнамент ранних миниатюр, еще недавно свидетельствовавший, в глазах историков искусства, о специфическо-немецком «чувстве природы». Что касается перехода от конвенционализма к реализму во фресковой живописи XIV в., то здесь мы имеем перед собою факт, общий и Востоку и Западу: как бы ни решался вопрос о приоритете – во всяком случае от восходящей к Лоренцо Гиберти и Вазари схемы, ограничивающей ранее Возрождение одним уголком Италии, надо отказаться»²⁵. Далее Бицилли не соглашается с широко распространенным мнением, что на Западе была только схоластика, Аристотелевский рационализм, господствовал научный язык и вырабатывался диалектический метод мышления, в то время как на

²⁴ Этот термин введен автором данной работы на свой страх и риск, т.к., по нашему мнению, он в какой-то степени отражает взгляды господина Бицилли, отличающиеся от взглядов др. евразийцев.

²⁵ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. Наука, 1993 с.28

Востоке расцветает мистика, базирующаяся на платонизме и неоплатонизме. Автор статьи считает, что платонизм является общим явлением для всей средневековой мысли, как западной, так и восточной. Мистика на Западе явилась источником как раннего Возрождения, так и впоследствии реформации Лютера. «Мистика на Западе – столь же значительный факт, как и схоластика, или, вернее, это одно и то же: нельзя противопоставлять схоластику мистике, ибо великие схоластические системы Запада создаются именно мистиками и имеют целью подготовку к мистическому акту»²⁶. Бицилли считает христианство в его западной и восточной разновидности, иудаизм и ислам одним и тем же идейным явлением, тремя рукавами одного потока. Согласно автору, особенно близка к христианской мусульманская религиозная традиция Ирана, где ислам имеет мало общего с исламом в других странах. Далее, Бицилли подмечает синхронизм в религиозно-философском развитии Запада и Востока, указывая на одновременность великих религиозных учений и там, и там. «...мы видим, что вслед за тем, как в северо-западном углу Ирана кладется начало монотеистической реформе Заратустры, в Элладе, в VI веке происходит религиозная реформа Пифагора, в Индии разворачивается деятельность Будды. К этому же времени относится возникновение рационалистического теизма Анаксагора и мистического учения Гераклита о Логосе; из современниками были в Китае Конфу-цзи и Лао-цзи, учение последнего включает в себе элементы, близкие как Гераклиту, так и Платону, младшему их современнику»²⁷. Из вышеприведенной цитаты видно, что по сути Бицилли говорит об «Осевом времени» Карла Ясперса. Причем если Ясперс выпустил свою книгу «Истоки истории и ее цель» в 1948 году, то статья Бицилли была написана в 1922. Также об единстве Востока и Запада говорит распространение религий. Христианство распространялось на Востоке по тем же великим торговым путям, какими переносились буддизм и ислам. Христианская религия была широко распространена по всему Востоку вплоть до середины XIII века.

²⁶ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. Наука, 1993 с.29

²⁷ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. Наука, 1993 с.30

Иранский бог Митра был хорошо знаком всему римскому миру благодаря купцам и солдатам. В области политической Бицилли также видит неоднократные попытки взаимодействия и союза Запада с Востоком. Впервые такое произошло в 568 г., когда каган турок Бу-Мин отправил своего посла императору Юстину с предложением союза против царя Ирана. Когда же связи Запада с Востоком прерываются где-то после смерти Тамерлана, то в Западной Европе, оторвавшейся от источников своей культуры, «происходит деградация великих идей, завещанных Востоком, - к агностицизму, к тупому оптимизму с его низменной наивной верой в царство божие на земле, которое автоматически придет, как конечный результат «экономического» развития; пока не бьет час пробуждения, когда сразу открывается вся огромность духовного обнищания». Основную задачу Бицилли видел в нахождении путей к культурному синтезу Востока и Запада. Он положительно оценивал «европеизацию», приведшую, по его словам, к возрождению Востока, понимая под ней усвоение того, чего не доставало Востоку и чем силен Запад, - технических средств культуры, всего того, что относится к современной цивилизации. Таким образом, мы видим, что Бицилли не призывал бороться с европеизацией и изолироваться от Запада, как князь Трубецкой, и не обвинял Запад в всепроникающем, всеобъемлющем рационализме, как Флоровский, он стремился показать взаимодополняемость, взаимообусловленность Запада и Востока, необходимость культурного единства Европы и Азии. Именно поэтому нам представляется возможным охарактеризовать его взгляды как евразийский космополитизм.

Отживающий демократический строй Запада и идущая ему на смену идеократия.

В статье Трубецкого «О государственном строе и форме правления» говорится о том, что аристократический строй с присущей ему монархией уже умер, а там, где монархия еще существует, она только терпится и играет исключительно декоративную роль. Поэтому автор не останавливается на монархии, а подвергает рассмотрению демократический строй, который

безраздельно господствует в современных странах европейской цивилизации. Формально при демократическом строе отбор правящего слоя производится по признаку отражения общественного мнения и получения общественного доверия. Однако фактически дело обстоит иначе. Правящий слой при демократическом строе состоит из людей, профессия которых заключается в том, чтобы внушать группам граждан разные мысли и желания под видом мнения самих этих граждан. Политический слой, несмотря на обязательную, вызванную самой техникой политической жизни многопартийность, является крайне однородным, так что всякий новый человек, вступивший в эту среду, либо ею ассимилируется, либо извергается вон. Трубецкой указывает на вырождение демократии, ее нежизненность. «...демократический строй, явившийся на смену аристократическому, сам уже проявляет, хотя еще и не повсюду, признаки обветшания и разложения. «Кризис парламентаризма» и «кризис демократии» - факты, не подлежащие сомнению, как бы ни закрывали на них глаза ветераны либерализма... Таким образом, ни аристократический строй, ни строй демократический с его разновидностью, плутократическо-демократическим строем, не являются вполне живыми: аристократический строй умер, сохраняется только в виде пережитка, а демократический если не вполне умер, то близок к смерти»²⁸. Продолжая разговор о демократии, Трубецкой в уже другой статье «Об идее-правительнице идеократического государства» пишет, что демократическое государство, не имея своих собственных убеждений, т.к. правящий слой состоит из людей разных партий, не может само руководить культурной и хозяйственной жизнью населения, а потому старается как можно меньше вмешиваться в эту жизнь, предоставляя свободу торговли, свободу печати, свободу искусства. В результате руководство хозяйственной и культурной жизнью передоверяется таким безответственным факторам как частный капитал и пресса. Демократии, как строю упадочному, Трубецкой противопоставляет идеократию, при котором правящий слой отбирается по признаку преданности одной идее-

²⁸ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000 с. 486

правительнице. В сильно искаженном виде идеократия представлена только в 2-ух государствах (поэтому князь называет их лжеидеократиями): Советском Союзе и фашистской Италии. Трубецкой называет фашистскую идеократию малосодержательной, т.к. в ней не создано «строгой мирозерцательной системы», и сущность идеократии заслонена культом личности Муссолини. Кроме того, идеократия у романно-германцев может быть осуществлена только в условиях единой Европы, а фашисты являются носителями узкоэтнического национализма. Причем панъевропеизм, который только и может быть настоящей идеей-правительницей, исповедуется исключительно идеологами либерализма и демократии. Наконец, идеократическая Европа не должна придерживаться колониального империализма, а он, как-раз-таки, есть неотъемлемый принцип фашизма. Таким образом, Трубецкой делает вывод, что Европе до подлинной идеократии предстоит пройти еще очень длинный путь, во время которого будут глубокие и кровавые потрясения.

Глава II

Александр Панарин в своей книге «Искушение глобализмом» дает достаточно полный анализ западного общества, причем преимущественно американского, так как под глобализацией он понимает американизацию, то есть распространение социокультурных черт, присущих Америке, на весь остальной мир.

Власть не большинства, а меньшинства.

Панарин А.С. пишет, что американский образец демократии, сформировавшийся в XVIII-XIX, фактически представлял демократию меньшинства, носителем которой должен был удовлетворять 3-м условиям: ему необходимо было быть белым, протестантом и домовладельцем. В XX веке по мере того как демократия в США становилась все более массовой, она в то же время в связи с ведущейся «Холодной войной» подпадала под все больший контроль. Правящие верхи добивались лояльности граждан, пугая мифом «коммунистического рабства» подобно тому, как в СССР использовался миф об обнищании при капитализме. Александр Сергеевич замечает, что тем самым нарушался основной демократический принцип: заниматься критикой собственного правительства и искоренять недостатки у себя на родине, т.к. правила, связанные с «холодной войной», предписывали искать изъяны в стане противника и демонстрировать верноподданническую лояльность у себя дома. Милитаризация менталитета, мобилизация на противостояние внешнему противнику расходилась с большинством демократических принципов и установок. Автор говорит о постепенном образовании в верхах американского общества «внешней» и «внутренней» партий. Первая была исключительно занята связями с общественностью, бранила внешнего противника и льстила собственному обывателю, внушая ему представления о завидности его положения по сравнению с положением населения противной стороны. «Внутренняя» же партия детально разбиралась в глобальном конфликте, т.к. состояла из профессионалов, в отличие от дилетантов публичной политики.

Также она осознавала, что милитаризация общественной жизни и мышление, направленное на конфронтацию с внешним противником, способно обеспечить внутривластическую стабильность. «Внутреннюю партию» по сути можно отождествить с спецслужбами, также Панарин называет ее «пятой властью». «Пятая власть» не совместима с такими принципами демократии как контроль снизу, подотчетность, легитимность. Также она плохо согласуется с принципом Просвещения о доверии к разуму рядового гражданина, обладающего достаточными интеллектуальными возможностями для выбора. Примечательна трактовка автором фигуры Джона Кеннеди и его смерти. Он был политиком, недовольным существующей двойной моралью, когда одна предназначена для общественности, а другая – для экспертов, профессионалов из спецслужб, мечтал сформировать единую политическую нацию, свободную от расовых и этнических барьеров. Президент верил в человека и считал, что принимать собственные решения. Это не понравилось спецслужбам, боящимся потерять свою власть. «Ревнивому и подозрительному сознанию протестантских «малых обществ» он противопоставил новое мышление единого Большого общества, в котором реализует себя американский гражданин – независимо от цвета кожи, вероисповедания и других цензовых особенностей. В таком обществе мощный луч Просвещения должен высветить все затхлые уголки, прогнать нечисть сумерек, устранить антидемократическую эзотерику решений, принимаемых немногими и для немногих. Надо сказать, многие «профессионалы» в Америке испугались за свои профессиональные тайны и привилегии, и в первую очередь это были профессионалы спецслужб. Для них Кеннеди олицетворял фигуру опасного дилетанта и красноречивца, принявшего всерьез принцип «публичной политики» и незаконно посягающего на «подводную часть айсберга», которой надлежит оставаться в ведении «глубоководных аквалангистов» их профессии»²⁹ В результате Кеннеди был устранен спецслужбами, желающими защитить свои привилегии от вмешательства публичной политики. Наряду со спецслужбами в качестве надобщественной тайной власти рассматриваются и

²⁹ Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во Эксмо, 2003 с. 42

финансово-предпринимательские круги. После окончания «холодной войны» милитаризация сознания Америки и Запада в целом, вопреки ожиданиям, продолжилась. Идеология Америки стала приобретать социал-дарвинистский оттенок, стало утверждаться представление о необходимости перераспределения ресурсов из рук менее приспособленных стран «третьего» и «второго» в пользу более достойных стран Запада, образующих «золотой миллиард», будущую расу господ на планете. Мир становится поделенным на тех, кто способен самостоятельно вырабатывать и устанавливать цивилизованный порядок, и на тех, кто на это не способен в принципе и потому нуждается в протекторате. Таким образом, вырисовывается схема, согласно которой по мере того, как внутри самого американского общества все большее число людей приобретает гражданские права, оно само как целое начинает рассматриваться как избранный народ, «раса господ», имеющая право на власть над остальным миром и на присвоение ресурсов других народов.

Культурофобия как принцип внутренней и внешней политики Америки

Так как Соединенные Штаты были основаны эмигрантами, и впоследствии население пополнялось ими же, то в американскую политическую культуру было перенесено характерное для них желание порвать со своим прошлым, чувство обиды на родину. Кроме того, на национально-государственном уровне отказ от старых культурных традиций был необходимым условием формирования американской нации, так как обремененность национальными традициями мешала бы безусловной лояльности американцев и привела бы к складыванию феномена двойного гражданства. Тот же принцип культурофобии стал активно использоваться в американской экспансионистской политике. «Позже этот прием приручения к Америке за счет разрыва с «прошлыми культурами» американские гегемонисты станут применять уже в мировом масштабе, формируя армии прозелитов из тех, кто по тем или иным основаниям оказался готов к разрыву со своими культурами... на державном (или «сверхдержавном») уровне развенчание культурного наследия в качестве

пережитков ненавистного традиционализма задано самой программой глобального мира как американоцентричного и американоподобного, что невозможно без решительного развенчания других культур как несовременных или недостаточно современных»³⁰. Панарин проводит параллели между современной политикой американцев по отношению к другим народам и политикой первых поселенцев относительно индейцев. Эмигранты, жаждущие вступить в новую жизнь, не связанную ограничениями национальных традиций, рассматривали американский континент как культурный вакуум. Индейцы с их самобытной культурой не вписывались в представление мира как «чистой доски», поэтому они и были уничтожены. Политика США по отношению к национальным традициям других народов также носит агрессивный характер, так как они мешают становлению никем и ничем неограниченной рыночной экономики и «открытого общества». «...демографическая и культурная катастрофа, постигшая туземное население, была связана с философией «пустого пространства, ни к чему не обязывающего пришедшего «нового человека». В глобальную эпоху подобная катастрофа может принять глобальный характер. За либеральной идеологией «открытого общества», вчера еще выступавшего как синоним социума, свободного от тоталитарных ограничений, сегодня все отчетливее вырисовывается старый американский архетип, требующий очищения окружающего мирового пространства для того, чтобы американский «новый человек» смог беспрепятственно осуществить свою планетарную миссию. Отношение современной Америки – победителя в «холодной войне» к другим культурам все откровеннее сближается с тем отношением, которые первопроходцы-флибустьеры продемонстрировали применительно к туземной культуре американских индейцев. Лозунг «всемирной либерализации» и «американского века» означает полное раскрепощение американского архетипа, связанного с закланием старых культур во имя торжества янки как нового человека. Под влиянием американоцентричного либерализма статус древних культур на всех

³⁰ Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во Эксмо, 2003 с. 103

континентах непрерывно занижается и все они ставятся под подозрение в качестве помехи наступающей экономической и политической революции...»³¹

Имперство и мессианизм Америки.

Соединенные Штаты с самого основания позиционировали себя в качестве нового Рима, имперской республики. Уже отцы-основатели США мыслили имперскими категориями. Панарин упоминает, что Джордж Вашингтон в 1783 г. назвал Америку поднимающейся империей. Другой отец-основатель, Мэдисон, говорил о США как о «великой, уважаемой и процветающей империи». Автор пишет, что «американская мечта» неразрывно связана с образом «отодвигаемого фронта» - границы на западе США, «где можно было все начать сначала, перерешить свою судьбу, освободиться от прежних пут»³². Территориальная экспансия является неотъемлемой чертой американского мировоззрения, так как именно она позволяет существовать морали неограниченного успеха. После того, как границы Америки достигли берегов Тихого океана, происходит поворот к политике империализма, проявлением которой стала война с Испанией и установление контроля над Филиппинами, Гавайями и Кубой. Тогда же в начале XX века произошло провозглашение политики «открытых дверей», обязывающей более слабые государства открываться перед американской торгово-экономической экспансией. Тем самым автор показывает, что США проводит политику мирового империализма уже в течение около 100 лет, а сама по себе установка на безмерное расширение территории и сферы влияния существует с самого момента основания этого государства. С идеологической точки зрения подобная экспансионистская установка была освящена особого рода мессианизмом, при котором новое государство стало восприниматься как новый мир, противостоящий старому. В этом новом мире действует «естественный человек», разумный эгоист-индивидуалист, не связанный

³¹ Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во Эксмо, 2003 с.108-109

³² Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во Эксмо, 2003 с 109

давлением коллективистской культуры, который противопоставляется всем «искусственным» моральным нормам и правилам, давящим на человека и мешающим ему «достичь успеха», «реализовать американскую мечту». Отсюда выводится тезис о США как о родине «разумных эгоистов» всего мира. Миссия Америки состоит в том, чтобы освободить человека от диктата национальных традиций и дать ему всеобъемлющую свободу для самореализации. «Все политические режимы, кроме американского, признаются вымученными и искусственными, ибо требуют от своих граждан подчинения индивидуальных интересов общему благу и других видов жертвенности, которые претят «разумному эгоисту». Америка же в своем обращении к чужим «разумным эгоистам» призывает идти по пути наименьшего сопротивления – то есть препятствовать ее нажиму и не поддерживать местный «национал-патриотизм» своих государств. Отсюда – пропаганда против обязательной воинской службы, патриотизма, культа национальных интересов и других проявлений «традиционалистского сознания»³³.

Противопоставление культуроцентричного европейского буржуа и авантюристичного буржуа-культурофоба Америки.

Панарин пишет, что буржуа Европы с самого начала были поставлены в условия, соответствующие принципу сдержек и противовесов. Им противостояла феодально-аристократическая традиция, народная культура, а потом и левая интеллигенция. Так как в Америке общество выстраивалось с нуля и на буржуазной основе, то там буржуазии было больше пространства для того, чтобы развернуться. Американская буржуазия оказалась более амбициозной, властной, склонной к масштабным авантюрам. «Здесь (т.е. в Америке, буржуа застал «пустое пространство», которое он намерен был организовать целиком по собственному усмотрению... двух ипостасях буржуа: с одной стороны, в этом типе проглядывает методическая расчетливость накопительства, чуждая дионисийским стихиям и радостям человеческой

³³ Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во Эксмо, 2003 с 111

жизни, с другой – черты авантюриста, азартного игрока, пирата и рэкетира. Между Старым и Новым Светом произошло нечто вроде культурного разделения труда: буржуа-скопидом остался в Старом Свете, буржуа-авантюрист устремился за океан, где ему никто не мешал развернуться во всю ширь»³⁴. Александр Сергеевич ссылается на немецкого мыслителя Макса Вебера, который обосновывал происхождение европейского капитализма из духа протестантской аскезы. У него предпринимательство выступает как результат морально-религиозного воздержания от всякого мотовства и излишеств. В Америке буржуазное накопление явилось результатом стяжательного мотива, естественного человеческого эгоизма. Отсутствие таких социальных и морально-этических ограничений, как в Европе, и культуурофобия привели к складыванию экономикоцентризма (экономического тоталитаризма), при котором буржуазия приобрела не только власть над экономикой, но также исходя из экономических факторов стала оказывать влияние на духовную и политическую сферы. Автором отмечается, что идеология естественного рыночного отбора, при которой люди делятся на сильных, сумевших достичь успеха и осуществить «американскую мечту», и на неприспособленных, неудачников (причем не только на уровне общества, но и на общемировом, когда целые народы определяются в качестве таких «неудачников»), противоречит христианству с его благоволением к «нищим духом», так что даже менталитет верующих «больше тяготеет к ветхозаветной нетерпимости и морали избранного народа, чем к новозаветному универсализму, предпочитающему христианское смирение и покаяние духу первородства и избранничества»³⁵.

Американский глобализм против европейского Просвещения.

Панарин показывает, что ценности модерна, т.е. классической либеральной эпохи, находятся в противоречии с американоцентричным глобализмом,

³⁴ Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во Эксмо, 2003 с 122

³⁵ Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во Эксмо, 2003 с 117

несмотря на то, что активно используются термины Просвещения, такие как «прогресс», «свобода, равенство, братство» и т.д. Современную эпоху он называет постмодернистской, рассматривая ее не как продолжение просвещенческого модерна, а как во многом перечеркивающую его достижения. Во-первых, американский глобализм находится в противоречии с таким просвещенческим понятием как политический суверенитет народа, согласно которому формирование политической элиты, реально принимающей решения, происходит путем выборов, такая элита всецело зависит от избравшей ее нации, выполняет ее волю и потому является национальной. Как было показано в 1-ом параграфе, даже в США, центре глобализма, принятие решений производится не публично избранными политиками, а стоящей над обществом кастой буржуазии и профессионалов из спецслужб. Однако если в самой Америке можно говорить о приверженности этой касты национальным интересам, то во всем остальном мире принцип американского глобализма, по словам Панарина, подразумевает последовательное отстранение от всех местных интересов, норм и традиций. В особенности элита незападных стран становится в независимое положение от «национальных интересов и национальных чаяний». Во-вторых, американская культурофобия и коммерциализация культуры бросают вызов «Большой культуре» Просвещения, т.к. европейский модерн отстаивал самоценный, а не служебно-подчиненный и функциональный характер культуры. Формула развития науки согласно Просвещению состояла в более быстром росте числа фундаментальных исследований по сравнению с прикладными разработками. «Человек Просвещения в сравнении с современным экономическим человеком, заикленным на отдаче и пользе, выступает как романтик, но этот романтизм оказывается более продуктивным в культурном смысле, чем рыночный прагматизм. Вырождение проекта просвещения, с его культом больших фундаментальных идей, угрожает современной цивилизации тотальным застоём – новым изданием азиатского стабильного способа производства...»³⁶

³⁶ Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во Эксмо, 2003 с 127-128

В-третьих, Просвещение, во многом наследуя христианству, заступалось за «нищих духом», оно стремилось помочь угнетаемому маленькому человеку, защитить слабого. Американская мораль рыночного естественного отбора, по которой побеждает сильнейший, противоречит этой установке модерна. Точно также на мировом уровне глобализация, имея просвещенческие истоки, должна была носить универсальный общечеловеческий характер, приведя к формированию единого мирового пространства равных. Однако американская глобализация подразумевает разделение на цивилизованные страны «золотого миллиарда» и всех остальных. Нецивилизованные страны, не умеющие рационально пользоваться своими ресурсами, должны передать их в распоряжение стран Запада. Подобный подход является искажением принципов Просвещения. В-четвертых, американский глобализм направлен против так называемых «метарассказов –текстов, дающих легитимность историческим проектам, провозглашающим конечное торжество Истины, Добра, Красоты. Просвещение ждало великого финала истории, бесконечно верило в Человечество, Прогресс. Однако подобные долженствования считаются источником тоталитарных идеологий XX века. Вдохновительные «метарассказы» культуры, связанные с верой в последнюю битву добра со злом, окончательную победу справедливости, могут привести к массовому фанатизму, а потому рассматриваются в качестве вредных. Постмодернисты предлагают отказаться от мироустроительных проектов, раствориться в повседневной действительности, считать легитимными только те практики, которые связаны с эффективностью и технологичностью, ими ставятся под сомнение любые признаки идеологического или морального воодушевления, связанного с верой в высшие ценности, в значение героизма и жертвенности. «...постмодернисты заключают, что банальное зло, рассыпанное в грехах повседневности, ничто по сравнению со злом, как изнанкой Великого Добра, Великой Правды и Великого Освобождения... Если выбирать между нигилизмом и восторженностью, плутоватой изворотливостью и прямолинейной честностью, беспринципностью и принципиальностью,

циничной всеядностью безверия и чистой пламенной верой, то нет никакого сомнения в том, что модернисты отдадут предпочтение первому перед вторым. Они подозревают добродетель в тоталитарной догматической нетерпимости, тогда как пороку приписывают циничную терпимость и всеядность... В Советском Союзе постмодернисты видят воплощенный «метарассказ» - деспотический миф о конечном торжестве классового истолкованного добра... Дело в самой установке на окончательную победу так или иначе истолкованных воплощений разумности, праведности и справедливости. До тех пор, пока подобная установка сохраняется, будут воздвигаться новые тоталитарные империи, готовые подчинять весь мир своим великим проектам»³⁷ Наконец, в-пятых, свободная чувственность, утверждаемая американским глобализмом, находится в противоречии с той мобилизованностью, ответственностью и самодисциплиной, которые требуются для полноценной реализации политических и социальных прав, провозглашаемых Просвещением, а также самого просвещенческого проекта. Для того, чтобы гражданин смог полноценно формировать власть, он должен обладать определенным культурным багажом, а постмодернизм культивирует в человеке господство инстинкта над разумом. В результате, например, при осуществлении политического выбора гражданин рассматривает кандидатов не с точки зрения его профессиональных качеств, а с точки зрения имиджа, харизмы. В более общем плане раскованность проявляется в американской массовой культуре. «Отсюда – апологетика примитива и брутальности. На наших глазах американизированная массовая культура отвоевывает права самой грубой телесности у более рафинированных форм эстетического опыта. Спонтанность сексуального, садистско-мазохистского, стяжательного и других инстинктов, включая инстинкт убийства, подается как некое тираноборство современности, направленное против старой запретительной морали»³⁸.

³⁷ Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во Эксмо, 2003 с 214-215

³⁸ Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во Эксмо, 2003 с 237

Модель Запада согласно неоевразийцу Дугину А.Г. в значительной степени отличается от панаринской.

Атлантизм как одна из двух вечных сил истории.

В своей книге «Конспирология» Дугин смещает акценты с противопоставления Запад-Восток на понятия евразийство и атлантизм, которые находятся в состоянии вечной войны. Это противоборство двух геополитических проектов: «суши», «континента», «степи» с одной стороны и «моря», «острова», «океана», «воды» с другой. В древней истории олицетворением «морской цивилизации» была Финикия-Карфаген. Противостоящий «морю» «континент» был представлен Римом. Пунические войны были образцом противостояния морской и сухопутных цивилизаций. В Новое Время эстафету Карфагена переняла Англия, а позже – Америка. Экономика Финикии и Англии была основана на морской торговле и колонизации прибрежных районов. Для финикийско-англосаксонского типа была характерна торгово-капиталистически-рыночная модель цивилизации, при которой экономические и материальные интересы главенствуют над политикой (примат «экономики над политики»). Рим же покоился на воинственно-авторитарных, иерархических принципах, в основе которых лежал административный контроль и гражданская религиозность, там – примат «политики над экономикой»). Для Рима была характерна колонизация континентального типа, с проникновением вглубь материка. Уже здесь заметно первое расхождение с Панариным: США – это не «новый Рим», а новый Карфаген. Риму наследуют прежде всего 2 державы: Россия через посредство Византии и Германия через посредство Священной Римской империи, также через нее к Риму приобщается и Австро-Венгрия, но ее значение было меньше. Таким образом, географический Запад отнюдь не совпадает с «Западом» как синонимом атлантизма, так как из него, по Дугину, выпадают такие важные евразийские державы как Германия, Австро-Венгрия. Евразийская сущность Германии подчеркивается еще и тем, что собственно евразийское учение

разрабатывалось наряду с классическими евразийцами (Трубецкой, Савицкий) еще и немецким философом Карлом Хаусхофером. Россия-СССР и Германия представляются как арена напряженной борьбы партий евразийцев и атлантистов. Автор «Конспирологии» показывает, что и в Третьем Рейхе было значительное число евразийских, русофильских элементов. Пакт «Риббентропа-Молотова» был пиком стратегических успехов евразийцев. Однако начало Великой Отечественной войны явилось крахом «многолетних усилий евразийской агентуры. Для атлантистов же дата 22 июня 1941 года была днем великого торжества: внутриконтинентальная война двух мощнейших евразийских держав между собой была залогом торжества Атлантического Ордена...»³⁹. Из других европейских стран в качестве «неопределившейся» между атлантизмом и евразийством выступает Франция, среди первых лиц которой были евразийцы, например, Шарль де Голль.

Америка как носительница концентрированной идеологии Запада.

Дугин в книге «Мистерии Евразии» категорически отрицает утверждение, что на Западе нет идеологии, что там существует большое количество различных убеждений и мнений. Он считает, что идеологией Запада является либерализм, который включает в себя следующие принципы: индивидуализм, «прикладная рациональность», вера в технологический прогресс, «открытое общество», рассматривание «рынка» и «свободного обмена» как абсолюта. История Запада рассматривается Дугиным как последовательное движение в сторону чистого либерализма, носителем которого как раз таки и являются США, выступая тем самым в качестве вершины всего западного развития. Причем становление западной идеологии неотделимо от религии, светское выступает как логическое продолжение религиозного. Автор пишет, что «Запад» как геополитическое явление возник только в результате раскола христианства на православие и католичество. Именно католичество в начале

³⁹ Дугин А.Г. Конспирология –М., 1993 глава «Великая война континентов»
<http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=171>

выступало в роли выразителя всей западной идеологии. Однако со временем католичество вошло в противоречие с магистральной линией развития Запада ввиду наличия в нем элементов, доставшихся в наследство от времени единства церкви и потому общих как для православия, так и для католичества. В результате Реформации все западные тенденции концентрируются в протестантизме, который уже очищен от всего общецерковного наследства. Самой главной протестантской страной и соответственно носительницей либерализма становится Англия. А позднее еще более крайние, наиболее радикальные протестантские секты закладывают основу американской цивилизации. На американской земле либеральный протестантский проект реализуется с нуля, что позволяет получить наиболее рафинированный, очищенный вариант западной цивилизации. Далее Дугин показывает, что американский либерализм не только берет истоки из протестантизма, но и сейчас основывается на нем. Прежде всего, даже те граждане США, которые не являются протестантами, все равно воспринимают его установки через общекультурный фон. Кроме того, современный политический класс США и сейчас является приверженцем протестантизма. Республиканская партия, по словам Дугина, последовательно и открыто руководствуется протестантско-фундаменталистским мировоззрением. Радикальные протестантские проповедники имеют в качестве своих приверженцев ведущих американских политиков, среди которых был, например, Рональд Рейган.

Это же положение об Америке как о выразителе абсолютного, идеального либерализма обосновывается Дугиным и с мистических, оккультных позиций. Америка предстает как продолжение на запад легендарной Атлантиды, «за-Атлантидой». Именно положением Америки как крайнего символического Запада объясняется то, что она стала местом реализации «рационалистического утопизма».

Таким образом, видно, что в вопросе соотношения Европы и США концепции Дугина и Панарина расходятся. Если Панарин во многом

противопоставляет США Европе, так как во-первых, тип европейского буржуа сформировался под влиянием протестантского аскетизма и морально-религиозных ограничений, в неразрывной связи с национальной почвой, в то время как американский буржуа представляет собой склонного к масштабным авантюрам культуурофоба, стремящегося к наживе любой ценой и не скованного какими-либо религиозными или культурными ограничениями, во-вторых, европейский рационализм предполагает справедливое устройство общества, основанное на разуме, что вступает в противоречие с американской стихией рынка. Дугин же воспринимает Америку как преемницу Европы, завершение логического развития европейской истории, он видит их религиозную (протестантизм) и идейную (либерализм) общность.

Из предыдущего различия вытекает и следующее. Панарин, рассуждая, об американской имперской идее и мессианизме, обвиняет Америку в том, что она лишь прикрывается лозунгами классической либеральной идеологии, находясь на самом деле в противоречии с ними, для того, чтобы проводить самую обыкновенную экспансионистскую и империалистическую политику, направленную на захват ресурсов. Дугин также постоянно говорит об американском мессианизме, о восприятии Америки в сознании как отцов-основателей, так и сегодняшних американцев в качестве «земли обетованной», «Нового Иерусалима». Но у него американская имперская идея получает своеобразное оправдание, так как Америка предстает как «империя либерализма, империя капитала, империя постиндустриального общества»⁴⁰, то есть авангард всего Западного мира.

⁴⁰ Дугин А.Г. Мистерии Евразии-М., 2000 глава VII «Крестовый поход против нас»
<http://arctogaia.org.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=318>

Заключение.

Первоначально следует сформулировать образ Запада в представлении евразийцев. При данной характеристике не будет учитываться концепция Бицилли о культурном единстве Востока и Запада как выпадающая из общей линии евразийцев, а также глава о взгляде на революцию, т.к. она показывает как представление о Европе отразилось на взгляде на такое центральное событие, но в сущности в характеристике образа Запада мало что добавляет.

Европейский космополитизм тождественен романо-германскому шовинизму, заключающемуся в стремлении распространить свою культуру на неромано-германские народы.

Понятие «прогресса», служа в качестве приманки для незападных народов, на самом деле основано на европейском эгоцентризме, при котором превосходство романо-германской цивилизации не подвергается сомнению.

Запад предстает в образе алчного хищного зверя, которому весь остальной мир должен дать отпор, объединившись для этого.

Европейцы по уши погрязли в рационализме и «научнообразных формулах», тем самым отошедши от Божественной истины, которая может быть постигнута только путем веры.

В качестве логического продолжения предыдущего постулата выступает характеристика Европы в качестве подчиненной «воинствующему экономизму», когда экономика воспринимается в качестве чего-то самоценного. Все это сопровождается религиозно-нравственным оскудением.

Демократия Запада критикуется как инструмент манипуляций общественным мнением и называется отжившей. На смену ей идет идеократия, которая в Европе лишь в незначительной степени представлена фашистской Италией, которой еще очень далеко до идеала.

Теперь необходимо сформулировать образ Европы у неоевразийцев Панарина и Дугина, сопоставить их друг с другом и затем сравнить с образом Европы у евразийцев.

По Панарину демократия в США всегда давала право выбора не большинству, а меньшинству. Она была реальной только тогда, когда распространялась на меньшинство населения, по мере превращения демократии массовой она становилась все более фиктивной, превращаясь в ширму для реально управляющей обществом элиты. Демократия в мировом масштабе также на самом деле означает лишь подчинение не Запада странам «золотого миллиарда».

Американское общество с самого начала строилось не на основе национальных традиций, тем самым давая дорогу неограниченной рыночной стихии. В глобальном масштабе политика Америки также основана на культурофобии, т.к. национальные культуры мешают торжеству чистого рынка.

Америка с самого основания была страной, нацеленной на экспансию, «новым Римом». Империалистическая политика оправдывается через восприятие Америки в качестве носительницы всеобъемлющей свободы, естественной защитницы всех «разумных эгоистов», могущей освободить их от диктата национальных традиций.

Панарин противопоставляет европейского буржуа, сформировавшегося вследствие влияния аскетической религиозной морали протестантизма, рыночные и стяжательные инстинкты которого ограничивались феодальной традицией, народной культурой, нацеленным на социальную справедливость Просвещением, и американского буржуа, обогатившегося за счет масштабных авантюр, ничем не сдерживаемого в своем стремлении к стяжательству.

Американский глобализм, основывающийся на постмодернизме, во всем противоположен Просвещенческому модерну с его утверждением зависимости элиты от нации, самооценности культуры, социальной справедливости и

необходимости защиты слабых, с его верой в великое будущее Человечества и готовностью жертвовать ради этого.

Концепция Дугина:

Противопоставление Запад-Восток (или Евразия) заменяется противопоставлением атлантизм – евразийство, которые характеризуются разными идеологиями: у первого это торгово-капиталистически-рыночная модель, примат «экономики над политикой», а у второго – авторитаризм, административный контроль, примат «политики над идеологией». Учитывая, что понятие Запад употребляется у Дугина как синоним атлантизма в других работах («Мистерии Евразии»), можно сделать вывод, что Запад для этого неоевразийца является синонимом либерализма. Этим можно объяснить и то, что Германия и Австро-Венгрия, в которых были сильны монархии и авторитарное начало, относятся Дугиным к Евразии.

Америка воспринимается Дугиным как преемница Европы, перенявшая от нее либерализм в очищенном и концентрированном виде, тем самым превратившись в «абсолютный Запад». Протестантизм выступает как религиозное воплощение либерализма, основа американского общества.

Сопоставляя концепции Панарина и Дугина, обобщив, можно сделать следующий вывод о фундаментальном различии их теорий: если у Дугина рыночная экономика, демократия, рационализм непротиворечиво объединяются в одну общую идеологию (которую Дугин называет либерализмом), с которой Запад всецело отождествляется, которая и есть его культура, то у Панарина Запад выступает как многогранное явление, в котором стоит различать Европу, с ее вышедшим из национальной культуры проектом Просвещения, и Америку с ее проектом постмодернизма, основанным как-раз таки на отсутствии культуры.

Обобщенное сравнение образа Запада у евразийцев и неоевразийцев даст следующие результаты: основным различием между евразийцами и

неоевразийцами является смещение акцентов у последних с Европы на Америку. В целом последовательным наследником теорий евразийцев является Дугин, так как при характеристике Запада у них совпадает, во-первых, восприятие рационализма, «воинствующего экономизма» и демократии в качестве одной идеологии, которая является сутью всей западной культуры, во-вторых, обвинение Запада в культурной экспансии, то есть в стремлении навязать свою культуру всему миру. У Панарина с евразийцами общим является только обвинение Запада в экспансии. Дальше начинаются расхождения. Во-первых, они расходятся уже в том, что понимается под словом «экспансия»: если евразийцы понимают под этим стремление навязать свою культуру, то Панарин говорит о борьбе Америки против национальных культур и стремлении навязать как раз таки ее отсутствие. Во-вторых, в «воинствующем экономизме», экспансии Панарин видит не одно целое с понятиями «рационализм», «демократия», «прогресс», а следствие от их отступления, т.к. просвещенческий модерн предполагает право всех национальных культур на существование и их равенство. Таким образом, Дугина можно считать консервативным продолжателем евразийских оценок Запада, а Панарина – либеральным.

Список используемой литературы.

Источники:

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000

Панарин А.С. Испытание глобализмом. – М.: Изд-во Эксмо, 2003

Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. Наука, 1993

Исход к Востоку. Философия Евразийства, под ред. О.С.Широкова – М.: «Добросвет», 2008

Дугин А.Г. Конспирология – М., 1993

<http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=171>

Дугин А.Г. Мистерии Евразии – М., 2000

<http://arctogaia.org.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=318>

Исследовательская литература:

Марлен Ларюэль Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи/Пер. с фр. Т.Н.Григорьевой. – М.: Наталис, 2004

Предисловие А.Дугина «Преодоление Запада» Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000

Предисловие О.С. Широкова «Проблема этнолингвистических обоснований евразийства» Исход к Востоку. Философия Евразийства, под ред. О.С.Широкова – М.: «Добросвет», 2008

Вступительная статья Л.И.Новиковой и И.Н.Сиземской Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. Наука, 1993

Вступительная статья И.А.Исаева «Утописты или провидцы». Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга, 1992

Жданова Г.В. Евразийство. История и современность. – Калуга: ИД «Эйдос»

Рустем Вахитов Труды классиков евразийства и ситуация с их републикацией.

<http://nevmenandr.net/eurasia/situacia.php>

Приложение (биографии евразийцев и неоевразийцев).

Трубецкой Николай Сергеевич (1890-1938) - один из наиболее универсальных мыслителей русского зарубежья, крупнейший лингвист, филолог, историк, философ, политолог. Родился в 1890 году в Москве в семье ректора Московского университета, известного профессора философии С.Н.Трубецкого. Семья, носившая древнюю княжескую фамилию, принадлежала к роду Гедиминовичей, среди которых были такие выдающиеся деятели России. Атмосфера семьи, представлявшей собой один из интеллектуально-духовных центров Москвы, благоприятствовала пробуждению ранних научных интересов.. В 1908 году поступил на историко-филологический факультет Московского Университета. В 1912 году закончил первый выпуск отделения сравнительного языковедения и был оставлен на университетской кафедре, после чего командировался в Лейпциг. Вернувшись в Москву, опубликовал ряд статей по северокавказской фольклористике, проблемам финно-угорских языков и славяноведению. После событий 1917 года успешная университетская работа Н.Трубецкого прервалась и он уехал в Кисловодск, а затем некоторое время преподавал в Ростовском университете. В 1920 году Н.Трубецкой покидает Россию и переезжает в Болгарию и начинает научно-преподавательскую деятельность в Софийском университете в качестве профессора. В этом же году он выпускает свой известный труд «Европа и Человечество», вплотную подводящий его к выработке евразийской идеологии. В дальнейшем деятельность Н.Трубецкого развивалась по двум направлениям: 1) сугубо научная, посвященная филологическим и лингвистическим проблемам (работа Пражского кружка, сделавшегося центром мировой фонологии, затем годы исследований в Вене), 2) культурно-идеологическая, связанная с участием в евразийском движении. Н.Трубецкой сближается с П.Н.Савицким, П.П.Сувчинским, Г.В.Флоровским, публикуется в "Евразийских временниках" и "хрониках", периодически выступает с докладами в различных городах Европы. Н.Трубецкой предпочитал политике спокойную,

академическую работу. Хотя ему приходилось писать статьи в жанре политической публицистики, он избегал прямого участия в организационно-пропагандистской деятельности и сожалел, когда евразийство сделало уклон в политику. Потому в истории с газетой "Евразия" он занял однозначно-непримиримую позицию по отношению к левому крылу движения и вышел из евразийской организации, возобновив публикации в обновленных изданиях лишь через несколько лет. Последние годы своей жизни Н.Трубецкой жил в Вене, где работал профессором славистики в Венском университете. После аншлюса Австрии подвергся притеснениям со стороны гестапо. Значительная часть его рукописей была изъята и впоследствии уничтожена. 25 июля 1938 года в возрасте 48 лет Н.Трубецкой скончался.

Савицкий, Пётр Николаевич (1895–1968), русский экономист, географ, социолог. Окончил Петроградский политехнический институт (1917). Ученик П.Б.Струве и В.И.Вернадского. Во время Гражданской войны воевал в Добровольческой армии, участвовал в обороне Крыма. Эмигрировал сначала в Турцию, а затем в Болгарию. Редактировал выходивший в России журнал «Русская мысль». В 1922 переехал в Прагу, возглавил кафедру экономики в Русском аграрном институте. В 1929–1933 – профессор Русского народного университета и Карлова университета. Во время немецкой оккупации Чехословакии подвергался преследованиям, был арестован и отправлен на принудительные работы. В 1945 был арестован уже советскими спецслужбами и осужден на десять лет лагерей. В 1956 вернулся в Прагу, работал в государственной комиссии по аграрной географии. В 1961, после публикации на Западе его воспоминаний о лагерях, был вновь арестован, но благодаря вмешательству европейских правозащитников освобожден. Последние годы жизни занимался преимущественно переводческой деятельностью.

Пётр Петрович Сувчинский (5 октября 1892, Санкт-Петербург – 24 января 1985, Париж) – русский музыкант, музыкальный писатель и организатор, публицист, входивший в круг евразийцев. Родился в семье председателя

правления русского товарищества «Нефть», потомственного польского дворянина, графа Петра Шелиги-Сувчинского. Детство провел в родовом имении под Полтавой. Закончил Петербургский университет, брал уроки фортепиано и вокала, готовился стать оперным певцом. Был близок к "Миру искусства ", встречался с Вс.Мейерхольдом, С.Дягилевым, А.Блоком. Один из основателей и издателей петербургского журнала «Музыкальный современник» (1915-1917). С 1918 за рубежом (Берлин, София, Париж). В 1921 участвовал в первом евразийском сборнике «Исход к Востоку», был одним из редакторов журнала «Версты» (1926–1928). Дружил с А.Н.Римским-Корсаковым, Мясковским, Прокофьевым, Ремизовым, Карсавиным (он был женат на дочери Карсавина Марианне), Стравинским (помогал последнему в его работе над книгой «Музыкальная поэтика», 1942), Арто, Поланом, Мишо, Шаром. Писал либретто для Мясковского и Прокофьева. Оставил эссе о Розанове, Ремизове, Блоке.

Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979), русский богослов, философ, историк культуры. Родился 28 августа (9 сентября) 1893 в Елизаветграде. В 1916 окончил историко-филологическое отделение Новороссийского университета (в Одессе). В 1919 – приват-доцент кафедры философии и психологии. Эмигрировал в 1920, жил сначала в Софии, а затем в Праге. В эти годы Флоровский стал одним из основателей евразийского движения (вместе с Н.С.Трубецким, П.Н.Савицким, П.П.Сувчинским и др.), участвовал в евразийском сборнике-манифесте Исход к Востоку (1921). В 1923 защитил в Праге магистерскую диссертацию Историческая философия Герцена, преподавал на Русском юридическом факультете (1923–1926). Принимал участие еще в двух евразийских сборниках – На путях (Берлин, 1922) и Россия и латинство (Берлин, 1923). Постепенно вошел в идейный конфликт с лидерами движения и в конечном счете порвал с евразийством после публикации статьи Евразийский соблазн (Современные записки, 1928, № 34). В 1926 Флоровский переехал в Париж и стал профессором патрологии Свято-Сергиевского

православного богословского института. Лекционные курсы по истории патристики стали основой двухтомного исследования: Восточные отцы IV в. (Париж, 1931) и Византийские отцы V–VIII вв. (Париж, 1933). В годы Второй мировой войны Флоровский жил в Югославии. В 1946 возвратился в Париж, в 1948 переехал в США. Участвовал в экуменическом движении, избирался в исполнительный комитет Всемирного совета церквей (1948). В 1948–1955 – профессор (с 1951 – декан) Свято-Владимирской православной семинарии в Нью-Йорке. В 1956–1964 – возглавил кафедру истории Восточной церкви в Гарвардском университете. В последние годы жизни преподавал в Принстонском университете на отделении богословия и славяноведения.

Бицилли Петр Михайлович (1879-1953), русский историк и философ культуры. В России он успел издать только исследование культуры итальянского Возрождения – «Салимбене» (Одесса, 1916). В эмиграции Бицилли активно публиковался в журнале «Современные записки» по вопросам философии, истории и культуры. Увлечшись евразийством, Бицилли примкнул к движению. Но затем отошел от движения, увидев в нем тоталитаристские тенденции.

Неевразийцы:

Дугин Александр Гельевич. Родился в 1962 году в Москве. Отец -- Гелий Александрович Дугин (1935--1998) -- кандидат юридических наук, генерал-лейтенант ГРУ ГШ Вооруженных сил СССР, мать -- Галина Викторовна Дугина (1937--2000) -- врач, кандидат медицинских наук. В 1979 году поступил в Московский авиационный институт (МАИ). В 1980 году он вступил в «Южинский кружок» Юрия Мамлеева. Был членом ряда эзотерических обществ, одним из которых был мистический традиционалистский кружок «Черный Орден SS».

В 1988 году он вступил вместе с Гейдаром Джемалем в Национально-Патриотический Фронт «Память» Дмитрия Васильева. В период с 1990 по 1992

работал с рассекреченными архивами КГБ, на основе материалов которых подготовил ряд газетных, журнальных статей, книг, и телепередачу «Тайны века», транслировавшуюся на Первом канале.

- С 1988 по 1991 годы -- главный редактор издательского центра «ЭОН».
- С 1990 года -- главный редактор альманаха «Милый ангел».
- С 1991 года -- главный редактор журнала «Элементы».
- С 1991 года -- председатель Историко-Религиозной Ассоциации «Арктогея».
- С 1993 по апрель 1998 года -- идеолог и один из лидеров НБП.
- С 1996 по 1997 годы -- автор и ведущий радиопрограммы «FINIS MUNDI» (Радио 101-FM).
- С 1997 по 1999 годы -- автор и ведущий программы «Геополитическое Обозрение» (Радио «Свободная Россия»).
- С 1998 года -- советник Председателя Государственной Думы Геннадия Селезнёва
- С 1999 года -- председатель секции «Центра Геополитических Экспертиз» Экспертно-консультативного Совета по проблемам национальной безопасности при Председателе Государственной Думы.
- В 2000 году -- читает курс «Философия Политики» в Международном Независимом Эколого-Политологическом Университете.
- С 2001 года -- председатель Политического Совета (лидер) Общероссийского Общественно-Политического движения «Евразия».
- С 2002 по ноябрь 2003 года -- председатель политсовета партии «Евразия».
- С ноября 2003 -- лидер Международного Евразийского Движения.

- С марта 2008 года является неофициальным идеологом партии «Единая Россия» согласно информации на официальном сайте МЕР.
- С сентября 2008 года -- профессор Московского Государственного Университета имени М. В. Ломоносова, директор Центра консервативных исследований при Социологическом факультете МГУ.

Проживает в Москве. Владеет французским, испанским, английским, немецким, арабским языками и ивритом. Женат, двое детей.

Панарин Александр Сергеевич [26.12.1940, г. Горловка Донецкой обл. (Украина) – 25.09.2003, Москва] – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической политологии философского факультета МГУ; заведующий сектором социальной философии Института философии РАН. Лауреат Ломоносовской премии (1999) и премии А.И.Солженицына (2002). П. – автор более 300 научных работ, в т.ч. 14 научных монографий и 8 учебников. Действительный член Российской академии естественных наук, Академии гуманитарных наук, Академии политических наук, Государственной академии славянской культуры, одним из создателей которой П. являлся. Член Союза писателей России. П. окончил философский факультет МГУ в 1966 г. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Критика социальной доктрины Ж. Фурастье» (1974) и докторскую – по теме «Современный цивилизационный процесс и феномен неоконсерватизма» (1991). Специализировался в области политической философии, теоретико- методологических проблем политики, долгосрочного политического прогнозирования. За разработку сценариев геополитического развития постсоветского пространства удостоен Почетного золотого знака «Общественное призвание» (1997). С именем А.С. Панарина связано появление так называемого академического неоевразийства.